

НЕЗАВИСИМАЯ

12.01.2000

Десять лет взаимопонимания

 [Андрей Хрипин](#)

ДАЖЕ школьнику из элементарных законов физики известно, что пара возникает как следствие полярности, разнозаряженности - так и легенда о фирменном альянсе певца Хворостовского и пианиста Аркадьева основана на диалектическом сочетании противоположностей. Чего только не говорили об их дуэте (в том числе и сами участники). А началось все почти случайно - в том смысле, что на месте Михаила Аркадьева мог оказаться кто угодно. Но, видимо, вся штука в том, что судьбе было угодно повернуть случай именно в их сторону, а не иначе.

Пианистов на свете много, но хороших солистов очень мало. Еще меньше хороших концертмейстеров, потому как этому трудно научить - быть одним целым с певцом, уметь раствориться в нем и в то же время остаться собой.

Они встретились в феврале 90-го, когда Хворостовский через своих доверенных лиц искал нового партнера для концертных выступлений и записей - дуэт с маститым Олегом Бошняковичем перестал его устраивать. В то время солнечный парень из заснеженного Красноярска успешно преображался в средневропейского оперного плейбоя и уже успел примерить на свое печальное чело глянцево-выражение легкой усталости от бремени всемирной известности после победы на телеконкурсе Би-би-си в Кардиффе и заключения эксклюзивного контракта с фирмой "Филипс". В отличие от Хворостовского москвич Аркадьев фигурой истеблишмента тогда не был, и вся его известность сводилась к узкому кругу. Рояль он открыл в 13 лет и, сделавшись солистом-профессионалом достаточно высокого класса, избрал тернистый путь полифонического самораскрытия, за что был не раз "бит" - у нас не любят, когда высовываются. Он искал себя в самых разных смежных областях: философии (кандидатская диссертация и книга "Временные структуры в новейшей музыке"), композиции, преподавании. И сегодня Аркадьев продолжает свой вызов общественному мнению - явившись на юбилейном концерте дуэта в Большом зале консерватории в амплуа дирижера.

Проверено, что наша публика предпочитает не столько познавать новое, сколько узнавать хорошо знакомое старое. И все-таки на сей раз главным смысловым акцентом события стало Новое - дирижерская инаугурация Аркадьева. Пусть в этом не было совершенства большого искусства, зато были новизна и экстравагантность акции. Священное чудовище оперной тусовки, народный артист России, звезда международного оперного конвейера ничего нового в качестве рождественского подарка не преподнес, но публика была довольна уж тем, что ей дали возможность полистать картинки давно прочитанной книги. На культпросвет-брошюру общества "Знание" было похоже предисловие Святослава Бэлзы, которое зачем-то ведь понадобилось начинающим юбилярам, да и определенной части публики тоже. Благодаря этому все узнали, например, что завершены съемки канадского фильма по мотивам моцартовского "Дон Жуана", где Хворостовский сыграл не только севильского обольстителя, но и его лакея Лепорелло. Для полноты информации добавим, что в декабре Хворостовский, график которого расписан по минутам, спел новую для себя буффонную партию сержанта Белькоре в серии спектаклей "Любовного напитка" в нью-йоркской "Метрополитен Опера".

Хворостовский безошибочно знает, что от него ждут. И, как компьютер, выдаст ровно столько, сколько нужно, ни грамма больше. Великолепный независимо от времени года, нынешний январский Дима предстал картинкой из уважаемого западного журнала. Правда, в его внешнем имидже все сильнее прорисовывается набирающая обороты тенденция - от кичево-оперного поп-секс-символа к гораздо более зрелому и сумрачному образу утомленного славой, рефлексивного Чайлда Гарольда. Вместо азартного прыжка на сцену и природной непосредственности - очаровательно небрежный променад вальжного павлина и, что рискованно в России, этикетное, временами даже пренебрежительно-высокомерное общение с залом сверху вниз. Как и раньше, Хворостовский в первую очередь музыкант. Музыкант до кончиков ногтей. С инструментальным по точности и культурным по-западному звуковедением. Значимост музыкального текста (нот) для него по-прежнему превалирует над значимостью текста словесного. Ущемленное в своих правах слово мстит за себя монотонностью интонаций, монохромным однообразием красок и образов. Апокалиптические фантомы "Песен об умерших детях" Малера в такой "музыкальностремительной" трактовке мало чем отличались от куртуазно-эротических эмоций моцартовских героев и брутальной страстности Пролога к

"Паяцам" Леонкавалло. Все контрасты были стерты ластиком усредненно-равнодушной академичности, чему в немалой степени способствовала и невыявленность стилистических признаков той или иной музыки (для примера, как обычно у Хворостовского, Моцарт по вокальному штриху и интонации напоминал скорее о Верди, в лучшем случае о Доницетти, а цикл Малера он пел приблизительно в том же ключе, как некогда "Песни и пляски смерти" Мусоргского).

Карьера Хворостовского вызывает восхищение и немалое уважение. Этот человек умеет и любит работать, в том числе над собой. Только вот загадка сфинкса: почему и раньше, и теперь его пение в сольных концертах не оставляет о себе послевкусия легкости и упоения, а наоборот, всякий раз подтверждает тезис, что вокал является тяжелой, выматывающей работой.

Своим официальным дирижерским дебютом в Первопрестольной (неофициальные были в регионах и в театре "Геликон") Михаил Аркадьев как бы сделал заявление, что при удачном сочетании обстоятельств и факторов личной воли он вполне способен управлять таким непослушным организмом, как симфонический оркестр, и более того, диктовать инструментальной массе свои экспериментальные темповые идеи (как, скажем, неожиданные сдвиги внутри фразы). Элемент, однозначно требующий совершенствования, - мануальная техника. Аркадьев показывает предельно экспрессивно, с переизбытком внешних, часто картинных движений и поз, но не всегда конкретно и, что называется, по делу. Много артистизма, но так же много и лишнего, наносного. Можно не соглашаться со стилистическими взглядами Аркадьева на музыку Вебера (увертюра к опере "Оберон") или Россини (увертюра к "Сороке-воровке"), но нельзя не отдать должное оригинальности, а бы даже сказал, интеллектуальности его подхода к музыке вообще и в частности. Заметим, наконец, что в роли послушного оркестра с успехом выступили "Московские филармоники" Юрия Симонова.

Что касается дуэта, то участники ансамбля, как показалось на сей раз, в большей степени были озабочены решением собственных проблем и прошли дистанцию каждый сам по себе, хотя никаких явных расхождений солиста и оркестра не наблюдалось. Ярче прочего в ансамблевом отношении прозвучал эффектный Пролог. Все второе отделение на сцене красовался рояль, намекая на то, что будут и бисы. Увы, бис был только один - тихий романс Чайковского "Средь шумного бала", предъявивший творческую пару в ее более привычном (но и более харизматичном) соотношении: Аркадьев за роялем, Хворостовский у рояля. Несмотря на бурные овации и вызовы, Хворостовский забрал с рояля пару букетов и удалился. Свет на сцене приглушили. Юбилей закончился. Публика разошлась с ощущением, что ей не додали.

Впереди у дуэта работа над циклом Шостаковича "Сюита на слова Микеланджело". А сегодня Дмитрий Хворостовский все в том же БЗК в сопровождении Большого симфонического оркестра под управлением Владимира Федосеева перелистает сборник шлягерных арий.